

ГОСУДАРСТВО КАК КОРПОРАЦИЯ И КОРПОРАЦИЯ КАК ГОСУДАРСТВО: ПРОДУКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИЛИ НОВАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ?

Н.А. Косолапов

Два института — государство и корпорация — с конца XIX в., более чем какие бы то ни было иные, определяют облик современного мира, содержание основных идущих в нем процессов. Во многом эти институты дополняют и поддерживают друг друга, нередко противоборствуют. В активе обоих — немалые достижения в экономике, социальной сфере, науке и технологиях, многом ином. Оба не раз, и весьма убедительно, доказали свою способность не только служить человеку, но и легко и быстро оборачиваться лютой человеконенавистнической силой, чуждой всяких гуманизма и сострадания, глухой к общественной морали, готовой на самые чудовищные деяния.

Ответственность и эффективность как условия конкурентоспособности, динамической стабильности и в конечном счете жизнеспособности — вот что роднит в современном мире институты государства и корпорации. Требования эти обращены прежде всего к организационным сторонам обоих институтов. Но если для корпорации эти требования существовали изначально, менялись лишь их конкретное наполнение и условия реализации, то для абсолютного большинства государств они внове, а для многих просто революционны. Там, где государство слабо или несостоятельно, корпорации вынужденно берут на себя часть его функций. Но и государство заимствует у корпораций методы и формы обеспечения внутренней ответственности и эффективности, сталкиваясь при этом с тя-

желейшей задачей обуздания алчности, близорукости, наглости и высокомерия социальной и политической элит, чиновничества. Те государства, которые ставят цели и задачи развития, но материальные потенциалы которых несоизмеримы с таковыми корпораций, тоже вынужденно стремятся расширить поле их правомочности в мировой экономике наравне с корпорациями.

Принципиальное различие: корпорация в поисках эффективности может диверсифицировать виды деятельности, менять в достаточно широких пределах факт, объем, содержание своего присутствия в тех или иных странах, регионах, рынках. Государство таких возможностей по его статусу не имеет, доступное ему поле политико-экономического маневра — налоги и сборы, а также повышение эффективности госсектора экономики и корпораций с его участием.

По всем этим причинам сопоставление корпорации и государства вполне правомерно. Интерес к таким сравнениям подогревается в последние годы еще и тем, что если корпорация — явление, достаточно описанное и определенное в научном и правовом планах, то ситуация с государством во многом иная.

После полуторавековых заклинаний об «отмирании государства», менее, но тоже продолжительных восторгов и/или стенаний по поводу «размывания суверенитета» реальная жизнь жестко, на крови поставила проблему *failed states* — недееспособных, разваливающихся либо так и не состоявшихся государств. Позже, во

время финансово-экономического кризиса 2008—2010 гг. (на момент написания статьи не завершившегося), именно действия и политика государств, прямые и через международные институты, стали средством смягчения кризиса и его последствий и, возможно, по его завершении будут расценены как один из главных факторов обуздания глобальной финансово-спекулятивной стихии.

Отныне все разговоры, будто век государства как института уходит-де в прошлое, не стоят выеденного яйца. Однако государство переживает непростые для него времена. Эпоха господства государства в международной сфере давно позади, десятки тысяч разнообразных негосударственных структур прочно обосновались в мировых и глобальных экономике, политике. И в то же время на институт государства приходится все возрастающая нагрузка и во внутренней, и в международной средах. В первой в целом расширяется диапазон его функций и одновременно растут ответственность государства, требования социальной, иной его эффективности. В международной жизни государство сталкивается с беспрецедентными вызовами и проблемами, какими оно никогда не занималось в прошлом, — и тоже должно действовать ответственно и эффективно.

При этом общепринятого научного определения государства до сих пор не существует¹. *Страна* — территория, где на протяжении исторически длительного времени живет и хозяйствует определенный титульный этнос или происходила последовательная смена ряда таких этносов; где на этой базе сложилась, обрела устойчивость своя этноконфессиональная, духовная и бытовая культура. *Государство* — высшая политическая и административная организация страны. Россия за постмонгольское время смени-

ла несколько форм государственности: от Московского царства через Российскую империю, РСФСР в составе СССР до нынешней Российской Федерации. Многие другие страны (но далеко не все) также пережили ряд аналогичных трансформаций².

Правомерен вывод, что в отличие от страны государство с исторической точки зрения никоим образом не является чем-то священным и неприкасаемым; *государство — это функция*³. Отсюда ряд взаимосвязанных вопросов: какова функция государства как явления; куда и как эта функция эволюционирует в современных условиях со стороны и спроса на нее (т.е., по сути, на государство), и встречного предложения; как соотносятся практика и динамика политической жизни с представлениями о роли в них государства и корпорации?⁴ В частности, как сложатся взаимосвязи государства и корпорации в мире, качественно изменившемся за последние полвека как материально-практически,

¹ См., например, весьма интересный анализ проблемы в: Понятие государства в четырех языках. — Европейский университет — Летний сад. СПб. ; М. : 2002. Особ. с. 30—56, 83—98.

² Смена государственности по разным причинам часто сопровождается изменениями границ. Но сами такие изменения, сколь бы значительны они ни были, не обязательно влекут перемену государственности.

³ Казалось бы, функциональная природа государства как института давно не вызывает сомнений. Однако в современной РФ это обстоятельство нужно подчеркивать. Бюрократия превращается в раковую опухоль человечества, все быстрее приближая рубеж, на и за которым кризис ее как явления станет не только очевидным и бесспорным для всех, но, весьма вероятно, спровоцирует острейший кризис глобальных стабильности и безопасности. Но пока в России и ряде других стран бюрократия прикрывается лозунгами государственничества, необходимости защиты суверенитета (государства, а не народа, как записано в Конституции), патриотизма (по отношению опять же к государству, а не к стране и обществу), успешно блокируя требования функциональности, ответственности и эффективности института государства.

⁴ Спрос есть выражение потребности или интереса; то и другое (особенно второе) производны от степени и содержания их осознания личностью, группой, обществом — т.е. от представлений.

так и по представлениям, стоящим за этими переменами и сделавшим их возможными. Цель данной статьи — попытка аналитико-синтетического подхода к названным вопросам. Естественно, без претензий на его завершенность и истинность.

Государство как функция, сравнение институтов государства и корпорации рассматриваются в статье прежде всего с практической стороны; в частности, не в рамках концепции корпоративного государства. Подчеркнем, что речь во всех случаях пойдет скорее о признаках и тенденциях, а не об оформившихся уже необратимо и бесспорно итогах эволюции государства, корпорации и их связей.

1

Что возникает раньше — корпорация или государство? Если под последним подразумевать явление, знакомое нам по Новой и Новейшей истории Европы, то, несомненно, корпорация.

С научной и правовой точек зрения корпорация — это самоуправляемое юридическое лицо, права и обязательства которого отличны от таковых его членов. Именно этот признак энциклопедии и специализированные словари выделяют как центральный, определяющий. Несколько аспектов приведенного понимания корпорации особенно существенны для нашего рассмотрения.

Первый: исторически корпорация суть объединение физических лиц, т.е. индивидов. Следовательно, изначально всякая корпорация есть не что иное, как неформальная группировка по интересам. Организация, структура, иерархия, формализация правил игры — все это придет, но позже, иногда много позже. Но у ее начала всякая корпорация опирается на индивидуальные выбор и интересы ее основателей и на их межличностные отношения. Исторический путь корпорации, таким образом, охватывает весь спектр известных нам отношений — от неформальных до макроорганиза-

онных формальных; от межличностных до — в современном мире — глобальных. Вернемся ниже к этой их особенности.

Второй: по разным причинам (о них ниже) корпорация, будучи основой группой лиц, стремится быстро, практически немедленно конституировать себя как формальное образование по отношению к себе самой и к той социальной, экономической, политической среде, в которой она намерена и/или вынуждена жить и работать. В современном мире корпорация юридически вообще не существует, пока ее устав и другие реквизиты не зарегистрированы в законном порядке. Акт формализации отчуждает лиц-основателей от созданного института — они при желании или необходимости могут начать раздельное существование.

Аспект третий: хотя корпорация обычно связывается в нашем сознании с экономической деятельностью, фактически нет никаких оснований ограничивать явление корпорации только хозяйствованием. Объединения людей на названных выше основаниях могут создаваться для любых целей, любых родов и видов занятий: экономических и духовных, законных и противозаконных и т.д. Более того, поскольку в прошлом (не столь уж далеком) экономика была силовой, т.е. неотделимой от военных набегов, то и хозяйственные корпорации должны были включать силовые функции. Включают они такие функции и сегодня (конечно, в изменившихся формах): «человек с ружьем» — неременная часть де-факто всех технологических процессов, ведущих от идеи и производителя к потребителю.

Четвертое: в рамках корпорации права и обязательства ее членов отличны от прав и обязательств корпорации как единого целого, причем данный признак — не одна из и даже не главная особенность корпорации как явления, но сами ее смысл и содержание. Это положение означает, что члены корпорации, каждый

по отдельности, не отвечают как минимум всем своим имуществом, а нередко и вообще ничем по долгам и иным обязательствам корпорации. В первую очередь ради избежания такой ответственности корпорация и создается.

Все названные аспекты полностью, без натяжек приложимы к государству. Оно возникало в прошлом, меняет свое устройство ныне по инициативе узкого круга лиц. Политическое, иное его устройство не только отражает достигнутые уровень, итоги и издержки развития общества, но всегда так или иначе нацелено на определенные будущие задачи (даже если они сводятся лишь к сохранению доминирующих, господствующих позиций тех или иных кланов, элит, групп. Государство, начиная с межличностных отношений его отцов-основателей, создает впоследствии свои институты, право, систему формальных отношений и «тень», непременно отбрасываемую законностью. В прошлом безусловно, а во многом и сейчас государство самим своим фактом и принятыми в нем законными и неформальными «правилами игры» освобождает от ответственности (кроме моральной и политической) как минимум высший слой его руководства⁵.

Иными словами, государство и корпорация не просто аналоги или близкие родственники. *Государство — частный случай корпорации.* Оно как явление *вырастало когда-то из корпорации.* Про-

должает это делать поныне: история трансформации бывшего СССР в совокупность независимых государств дает на этот счет богатейшие эмпирику и материал для размышлений. Коль скоро их взаимное родство столь тесно, неизбежен вопрос: возможны ли «переливание» современных государства в корпорацию (и наоборот), «перехват» ими функций друг друга? При каких условиях и с какими мотивами и целями могут иметь место подобные процессы? Как далеко может «вернуться» государство в состояние корпорации? В частности, знакомое россиянам явление «приватизированного государства» — не есть ли это обусловленное сложившимися обстоятельствами, объективно необходимое и неизбежное циклическое возвращение на стадию первоначального создания корпорации группой физических лиц (а не только банальное нарушение законности шайкой коррупционеров)?

Государства и корпорации тесно взаимосвязаны, но и во многом взаимно автономны. Их взаимосвязь проявляется прежде всего в том, что благополучие государства все более зиждется на эффективности действующих в нем корпораций; последние же вынуждены создаваться и работать по законам этого государства или хотя бы убедительно имитировать соблюдение такого закона. Взаимная автономия же прежде всего в том, что государства могут меняться — корпорации остаются; но и наоборот — корпорации могут изменяться, рушиться, уходить из страны — государство сохраняется (если, конечно, оно не находится в критической зависимости от одной-трех корпораций).

В условиях уже давно сложившегося и в целом отлаженного государства корпорация как *хозяйствующая* единица: (а) появляется в инициативной, развитой, обладающей возможностями среде, в которой власть не боится угроз и вызовов, непременно и объективно исходящих от высокой концентрации предпри-

⁵ Впрочем, такое освобождение часто весьма условно. Исторически дефицит и несовершенство законов, недостатки их практики нередко корректировались дворцовыми переворотами, гибелью прежнего властителя. Нюрнбергский процесс, казнь С. Хуссейна, С. Милошевича, суды и пытки судов над бывшими президентами показывают, что аналогичная практика, минимально оформленная под законность, не чужда и современности. В России 1990-х — начала 2000-х годов нарушение фактических корпоративных «правил игры» нередко каралось заказным убийством. В корпорациях преступного мира убийство — общепринятая практика в подобных случаях.

нимательства⁶; (б) постепенно расширяет сферу своей деятельности, выходя за пределы материнского государства; (в) обретает масштабы, когда она в финансово-экономическом отношении зависит больше от внешнего мира, нежели от материнских страны и рынка; (г) в этих масштабах, сама не желая того, становится соизмеримой с государством, а затем начинает и превосходить его, позже многие из них по финансовому, экономическому, информационно-технологическому и научному потенциалам.

Вопрос: почему *экономическая* корпорация должна ограничиваться только производством прибыли? В принципе она может ставить перед собой и любые другие цели. В частности, реален вариант, когда в ответ на некомпетентность, коррупцию и/или произвол чиновничества (особенно усугубляемые кризисом бюрократии как явления) определенные социальные группы начнут уходить в корпорации. Один такой вариант — приватизированное государство. Но он не единственный из теоретически мыслимых. Дополнительный стимул к созданию корпораций — невозможность «убеждать» от враждебного человеку государства, вынужденность противостояния ему изнутри его самого и по его законам.

Отношения государства с корпорациями как в своей стране, так и в мире неизменно отличались сложностью и внутренней противоречивостью. Государство могло использовать корпорацию как средство продвижения своих интересов и даже передавать ей на время и в определенной сфере часть своих функций (так, Ост-Индская компания обязывалась бороться с пиратством на используемых ею морских путях). Но при этом

⁶ Первые корпорации возникают в Древнем Риме. В период республики их создание никак не ограничивалось, единственным требованием было соблюдение законов. Но в период империи для создания новых корпораций всякий раз требовалось специальное решение сената.

всегда существовала опасность, что корпорация при конфликте интересов будет де-факто обеспечивать прежде всего собственные, а уже потом государственные интересы и цели.

Справедливо рассматривая хозяйствующую корпорацию как важное и перспективное средство своей внешней экспансии, ведущие государства в XX в. в общем-то «проворонили» тот рубеж, за которым корпорация обретала новые возможности разными путями и способами влиять на государство и его политику или, в ряде случаев, просто игнорировать «материнское» и многие другие государства. Не случайно главной причиной «размытия суверенитета» называли и продолжают называть прежде всего могущество, интересы и активность транснациональных корпораций. Концентрация в них как финансово-экономического потенциала, так и — в меньшей степени — потенциала знаний и НИОКР ставит проблему *экономической доступности интеллектуального суверенитета* в современном мире.

Уже с последней трети прошлого века государство сильно ограничено в возможностях воздействия на корпорации, причем далеко не только по причинам лоббизма и/или коррупции. Конечно, в правовом государстве отдельно взятая корпорация всегда может быть привлечена к ответственности по закону. В государстве неправовом расправиться с конкретной корпорацией или сделать ее «козлом отпущения» еще проще. Но при этом общий политический, правовой, инвестиционный климат в стране в любом случае должен быть благоприятным для корпораций. Иначе — удар по экономике в целом; падение или прекращение экономического роста, обострение социальных и прочих проблем; а тем самым удар и по правящим силам, по данному типу государственного устройства.

Наконец, корпорации — не государства! — вызвали к жизни глобализацию, с многообразными проблемами и издерж-

ками которой государства только учатся справляться. Причем кризис 2008–2010 гг. уже дает основания предположить, что выбор инструментов предотвращения его повторений в будущем лежит где-то между вынуждаемым этой целью усилением неоимперского начала в процессах глобализации либо наднациональной корпорацией-регулятором, создаваемой с этой целью от имени государств и на основе получаемых от них полномочий.

Корпорация способна при необходимости брать на себя ряд традиционных функций государства — это факт, доказанный современностью и исторически. В качестве примеров можно вспомнить советские, ныне российские моногорода — сложившиеся вокруг одного предприятия поселения с десятками, иногда сотнями тысяч жителей. Можно вспомнить регионообразующую роль крупных западных корпораций в Чили, Анголе, на Юге Африки (да и не только там). Из истории всплывает память о Детройте, Питтсбурге и Чикаго первой половины XX в.; а из более далекого прошлого — британская Ост-Индская компания. Есть примеры и другого рода — наркокартели, действующие в Колумбии или Афганистане.

Объединяет все эти примеры то, что корпорация по необходимости берет на себя функции обеспечения на некоторой территории порядка и безопасности, социальной поддержки населения (а не только своих работников), нормального функционирования важных (не одних лишь производственно-технологических) инфраструктур. В современном мире корпорация может договариваться с правительствами, обращаться в международные организации — т.е. имеет некое подобие своих дипломатии и внешней политики. Она как минимум общается, а часто и сотрудничает со СМИ, НПО, гражданским обществом и неформальными структурами многих стран и нередко делает все это лучше государства.

Иными словами, корпорация не только когда-то, в давнем историческом прошлом, вызвала к жизни явление государства. Она и сегодня остается для государства отчасти одним из важных источников его существования, а отчасти — перманентным вызовом и угрозой. Корпорация умеет и в принципе способна делать все то же самое, чем занимается современное государство. Иное дело, что в нормальных повседневных условиях *хозяйствующей* корпорации это не нужно, даже противопоказано. Но государство постоянно чувствует позади себя энергичное дыхание корпораций — своих и иностранных.

Неразрывность взаимосвязи корпорации и государства как явлений, по видимому, обусловлена тем, что корпорация по сути ее — взаимопомощь и сотрудничество индивидов, защита ими своей жизнедеятельности от внешних по отношению к ней посягательств — конкурентов, недоброжелателей, врагов, в какой-то мере и от закона (особенно произвола в его практике). Государство же в современных его формах, наряду с другими его функциями — защита социума и самого себя от чрезмерных амбиций и потенций корпораций.

Способно ли государство выполнять функции хозяйствующих корпораций? (Силовых — может, и это вряд ли нуждается в доказательствах.) Достойный ли оно партнер таких корпораций, будь то в сотрудничестве или противоборстве? Нужны ли институту государства такие способности?

2

Бытовое понимание государства: этнос, нация, совокупность этносов на определенной, в целом устойчиво удерживаемой территории под достаточно стабильной властью — но властью своей, а не чужой. Если власть этнически чужая (и к тому же социокультурно чуждая), то и государство в лучшем случае «не свое», в худшем же выступает и/или восприни-

мается как угнетение извне. Когда и почему исторически возникает *свое* государство?

Институт государства складывался как путь самоорганизации элиты на данной территории. Самоорганизация канализировалась одновременно по двум направлениям: вовнутрь — как укрепление господства элиты над проживающим на территории населением; и вовне — как защита собственности данной элиты — территории, населения, всего здесь находящегося и созданного — от угроз и посягательств извне⁷. В процессе его формирования как института государство на всех исторических этапах его становления просто не могло не заниматься хозяйственной деятельностью. Но в первых, функции организации, управления и насилия вплоть до конца XIX в. оттесняли экономическую его функцию на второй план. А во-вторых, хозяйственная деятельность включала в прошлом труд скотовода, земледельца, ремесленника и торговца — занятия физически грязные, сопряженные с постоянной опасностью для результатов труда и самой жизни в них занятого, а потому опускавшиеся в сознании людей и в практике на самый нижний социальный уровень. Государство и его правители так или иначе организовывали эту деятельность, направляли ее на свои цели, в необходимых случаях подгоняли, защищали — но не занимались ею непосредственно. В итоге государство на протяжении веков не имело фактически никаких экономических органов, кроме тех, что собирали налоги и выпускали деньги.

Специфика ранних исторических функций государства вызвала к жизни основные типы его самоорганизации. Ими стали в порядке появления: (i) *город-государство*, складывавшийся вокруг ремесленников, торговцев или храма; последний быстро обна-

руживал свою нежизнеспособность, а города-«бизнес-центры» нередко становились жертвами агрессий или рейдерства их наемных защитников; (ii) *империя* — способность захватить территории, для эффективного управления которыми в конечном счете не оказывалось достаточных средств, идей и ресурсов; (iii) *феодалное владение*: приватизация безопасности и благ в интересах чрезвычайно узкого социального слоя, способного какое-то время удерживать в физическом и духовном повиновении производителей богатства; (iv) европейское *nation-state* как освобождение феодалного владения из-под административно-политической власти Ватикана и, вслед за этим, обретение политической самостоятельности сословием городских буржуа; (v) государство-*метрополия* — nation-state, накопившее силы и сформировавшее мотивацию к колониальной экспансии и тем самым проецирующее капитализм за пределы его изначального ареала.

Заметим, что на всех перечисленных этапах историю делало государство. Корпорации были еще слишком слабы, чтобы брать на себя выполнение такого рода задач и функций. Они действовали либо в рамках государства и под его защитой, либо создавались государством в определенных целях (в частности, корпорациями такого рода правомерно считать британские колониальные экспедиции в Америку, всякий раз получавшие от короны четкие «технические задания» относительно территории, которую предстояло освоить; размеров налоговых выплат и т.п. (эти предписания именовались *state*, результатом чего и стало позднее образование *United States of America* — конгломерата корпораций, изначально колониальных; вернемся ниже к этому обстоятельству).

Все эти типы дали основания для марксистской оценки государства как механизма внутреннего и внешнего насилия («государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному

⁷ А также по возможности грабежа других территорий и владений.

классу прочие подчиненные классы»⁸). Интересно, что в современном мире под это определение подходят и оргпреступность в Колумбии, и «правоохранение» в России. Функции насилия и организации под необходимое и/или желаемое насилие стали для государств главным фактором их жизнеспособности и, как следствие, на века определили облик и суть института. Где-то эти функции были выражены жестче; где-то в более мягких формах; но их содержание и смысл оставались неизменны. Первым в истории разрывом этого замкнутого круга стало образование Соединенных Штатов.

Дело не в революции, которой, по существу, там не было. Уникальность США в том, что после обретения независимости функция насилия там надолго отступает на задний план. Извне США вплоть до появления на рубеже 1960-х годов ракетно-ядерных стратегических вооружений ничто не грозило. Внутри страны в условиях практически всеобщей вооруженности населения, с одной стороны, оно само решало проблемы удержания в подчинении рабов, поддержания порядка; а с другой — такое население не могло быть приведено властью к повиновению так, как это оказывалось возможно по отношению к безоружному населению старых государств Европы и Азии. Долговременным итогом такого положения стали относительно слабые в силовом плане местная власть и федеральное правительство⁹. Функции экономические —

освоение новых территорий, борьба за внешние рынки, поддержка в этих целях «своего» бизнеса, обеспечение стабильности доллара, привлечение миллионов масс мигрантов — выходят на первый план. Причем задачи эти решаются усилиями не одного лишь государства, но в процессе достаточно сложных и противоречивых отношений государства с быстро растущими корпорациями — экономическими и организованной преступности¹⁰. Однако вплоть до середины XX в. американские тип государственности и опыт отношений государства с корпорациями своей страны оставались спецификой самих США.

Ко времени Венского конгресса 1815 г. мир подошел с четырьмя типами государств: (i) *nation-states* в малой части Западной Европы (они же — буржуазно-демократические в марксистской трактовке); (ii) государства-метрополии, центры классических колониальных империй (при этом на позиции ведущих вышли те из них, что сочетали два первых признака); (iii) монархии, развившиеся из светских феодальных владений («хозяин земли русской»), ведущие из них сочетали этот признак с империей; (iv) государства Азии, не укладывавшиеся в европейскую классификацию и в разной мере сочетавшие (полу)колониальную зависимость с сохранением их традиционного уклада правления (особенно Индия, Китай). Во всех этих типах (кроме стоявших

⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд., Т. 39. С. 75.

⁹ Такое положение сохранялось в США на местном уровне до конца XIX в., когда необходимость противодействия растущему рабочему движению потребовала создания мощных полицейских сил; на уровне федерального правительства — почти до середины XX в. (еще перед началом I мировой войны США практически не имели военной промышленности, а перед началом II — разведки, которую пришлось создавать в США англичанам). И только со становлением ракетно-ядерной конфронтации с ее специфическими требованиями к устройству и функционированию государства возникает

«имперское президентство» Р. Никсона, в эпоху «международного терроризма» обретающее, по сути, предтоталитарные черты.

¹⁰ Современная РФ отчасти повторяет этот путь, создав полицейские силы и законодательство, позволяющие эффективно бороться с оргпреступностью (но мешает уровень коррупции в стране) и с массовыми выступлениями, сводя практически до нуля угрозу новых революций (как это было сделано в США в период 1880-х — 1920-х годов). Разница с США XIX — первой половины XX вв. — в отношении к бизнесу, который в современной России поставлен в бесправное положение и тем самым почти лишен мотивации к инвестированию и развитию в своей стране.

особняком США) функция организации для насилия доминировала над экономическими.

Рубеж XIX—XX вв. ставит перед ведущими государствами Европы и перед США принципиально новые задачи, определявшиеся взаимоналожением ряда факторов. (1) Развитие капитализма, опиравшееся прежде всего на *nation-states*, к исходу XIX в. вызвало к жизни крупные организации, причем лидером этого процесса были корпорации. Появление и развитие таких организаций, в свою очередь, сформировало новый тип отношений — межорганизационный, ставший уже к началу XX в. доминирующим во внутристрановой и международной жизни. (2) I мировая война — первая в истории «война моторов» — наглядно показала новое значение экономическое фактора в жизни и деятельности государства: ее проиграли и вышли из нее с максимальными потерями монархии-империи, не пожелавшие или не сумевшие наладить эффективное взаимодействие со своими корпорациями и классом их владельцев. (3) Первый мировой кризис 1928—1932 гг. вынудил ведущие государства начать регулирование экономики и финансов, т.е. в первую очередь корпоративного сектора, что требовало не командования экономикой, но сотрудничества государства и корпораций¹¹.

¹¹ Уникальным примером взаимоотношений государства и корпораций стал с конца 1920-х годов ныне уже бывший СССР. Капиталистические отношения здесь были выкорчеваны революцией и последовавшими преобразованиями. Экономике поставили в жесткую командную зависимость от государства, не имея ни инструментальной теории планирования (ее нет до сих пор, и вряд ли она в принципе возможна), ни институтов регулирования, ни достаточной системы обратных связей. Конечным итогом стали фактическая неуправляемость государственных корпораций и экономики в целом, массовое распространение теневых экономики, юстиции и политики, и в результате — появление условий для образования неформальных корпораций внеэкономического характера,

Отложенным результатом перечисленного стало усилившееся расслоение государств не только по их материальному потенциалу (в котором быстро нарастающее значение обретали качественные его аспекты), но по уровню их институционального развития и, как следствие, по дееспособности внутри страны и в международных отношениях. Причем важным фактором успеха все очевиднее становилось не наличие институтов как таковых, но способность государства и корпораций сотрудничать, а не бороться друг с другом.

II мировая война закрепила за институтом государства гораздо более широкий круг экономических функций. Она потребовала мобилизации экономик в беспрецедентных масштабах и диапазоне решавшихся задач. Восстановление хозяйства, финансов и инфраструктур после войны («план Маршалла») также опиралось на роль государства в предоставлении помощи и в ее использовании. Национальные и мировая экономики усложняются, что влечет за собой развитие теории и практики их регулирования. После войны в странах Западной Европы, а затем и в США быстро расширяется сфера социальных функций государства, решающая триединую задачу гаранта социальной стабильности, наращивания платежеспособного спроса и развития

что завершилось крахом прежней антиэкономической государственности, но и сразу же последовавшим возрождением ее «генотипа» в формах, отвечающих интересам новой корпоративности. При этом экономические корпорации по-прежнему находятся под прессом государственно-силовых, что — как показывает исторический опыт — резко сужает возможности развития страны на перспективу. Правомерен вывод, что экстремизм в подходе государства к экономическим корпорациям на долговременных дистанциях укрепляет неформальные и силовые корпорации в обществе и госаппарате, тормозя тем самым экономическое развитие и сужая возможности государства в мире, т.е. обеспечивая его стабильное отставание от «мейнстрима» мирового развития, кем бы последний ни был представлен.

человеческого потенциала современных общества и его экономики. Государства уже не только договариваются о последующем мировом порядке, но вынуждены и начинают прямо (через межправительственные соглашения) и косвенно (через неправительственные международные организации) регулировать все большие объемы и диапазон транснациональных связей и отношений. Защита установленных внутреннего и международного порядков, их стабильности, осуществление упорядоченных изменений приходят на смену былой «лобовой» обороне власти и привилегий высшего класса. Захват и неприкрытый грабёж чужих территорий становится международно наказуемым и подсудным делом; использование ресурсов таких территорий обеспечивается экономическими и правовыми средствами.

Практически одновременно распад колониальной системы распространяет понятие «государства» на все новые независимые образования, которые в большинстве их не были ничем из перечисленного. Система ООН делает все ее государства-члены политически и юридически равноправными. Психологически и политически от всех государств ожидают готовности и способности выполнять те функции, какие давно отработаны в наиболее развитых странах (с поправкой на возможности конкретного государства, но тем не менее...). Однако с течением времени все очевиднее становятся нарастающий разрыв в уровнях и *качестве* развития между наиболее и наименее продвинутыми странами; и объективная неспособность (а не просто и/или не только нежелание) многих государств выполнять все из перечисленных функций. Как следствие при номинальном равенстве в мировой политике все четче проявляется иерархия государств по критерию их фактической дееспособности в международных отношениях.

Параллельно в политическом обороте де-факто закрепляется раздво-

ение суверенитета на таковой *народа* (от традиций nation-state) или же суверенитет *государства* (от традиций государя-господаря-господа — всякая-де власть от бога). В свое время буржуазно-демократические революции провозгласили новым носителем суверенитета народ, в ответ на что авторитарные режимы стали небезуспешно навязывать принцип суверенитета государства, используя принцип невмешательства во внутренние дела как обоснование и защиту этой практики. Опыт XX — начала XXI в. показывает, что в государствах, основанных на суверенитете народа, рано или поздно устанавливается система сдержек и противовесов и основанное на ней сотрудничество государства и хозяйствующих корпораций. Там же, где упор делается на суверенитете государства, последнее стремится занять в отношении корпораций командные позиции и одновременно оказывается уязвимым к появлению и деятельности корпораций неформальных, «своих» и иностранных (в том числе коррупционных, кланово-групповых, преступных). По итогам этого процесса правомерен вывод о свершившемся становлении двух типов отношений «государство — корпорация»: кооперативном и антагонистичном. Под конкретные национально-страновые условия, специфику экономик нужна различная организация. Поэтому государство как институт будет, скорее всего, становиться разнообразнее, многовидовым в каждом из этих двух типов.

Закономерно, что до сих пор нет ни международно-правового, ни научного признанного определения государства: объект и предмет искомого определения развиваются и ускользают от дефиниции. В Конвенции Монтевидео 1933 г. (СССР/Россия ее не подписывали) закреплены четыре признака государства: постоянное население; определенная территория; собственное правительство; способность к вступлению в отношения с другими государ-

ствами. Каждый из этих признаков и все они в совокупности не являются в настоящее время присущими единственно и исключительно государству (так, Москва отвечает им всем). Политически ясно, что государство нельзя определять только как *nation-state* (большинство государств — членов ООН не отвечают этому критерию); но нельзя — или не хочется — определять его таким образом, чтобы государством можно было считать не только диктатуры, тоталитарные режимы, но потенциально и криминальные формы социальной организации¹².

Любопытно, что одной из аксиом современных экономической теории и политического здравого смысла является положение о якобы доказанной неэффективности государства как собственника и экономического субъекта по сравнению с собственниками негосударственной природы. Практический смысл этого тезиса — призыв к изгнанию и/или недопущению государства как игрока на «свободный рынок»¹³. Декларируемая и

политико-идеологически защищаемая «экономическая ущербность» государства — главное, что мешало доказательно ответить на вопрос, способно ли государство эффективно выполнять функции хозяйствующей корпорации. Ответ, подсказываемый интуицией: если сегодня не способно, то завтра придется научиться — или сдать функции государства.

3

Глобализация внесла новое качество в расслоение государств по мерке их дееспособности. Ее движущая сила — группа экономически и институционально наиболее развитых, многофункциональных государств, действующих по в целом единым правилам и в сотрудничестве с хозяйствующими корпорациями, корнями их связанными с этой группой стран. Все государства этой группы основываются на суверенитете *народа*. Этот принцип хорошо согласуется с формированием глобальной элиты как транснационального социально-профессионального слоя, чьи определяющие черты — самостоятельность, мышление на опережение событий, инициатива. В системе суверенитета народа власть не опасается концентрации капитала, которая рождает накопление средств, знаний, навыков практического отношения к жизни, предвидения открывающихся возможностей и мобилизации частным сектором ресурсов для их использования.

На противоположном полюсе глобализации — многочисленная и весьма разнородная группа государств, потенциал и дееспособность которых заведомо не оставляют им шанса войти в категорию моторов глобализации даже в какой-то одной сфере. Качественный разброс в этой группе очень велик: от вполне благополучных малых стран до безнадежных *failed states*, чье население спасает от голодной смерти лишь международная помощь. Объединяют эти государства в выделенную нами категорию два признака: (а) размеры территории, природные ре-

¹² Случаи, когда явно криминальная корпорация стала бы ядром государственности, теоретически возможны, но в современной практике редки. Более серьезную проблему представляют всякого рода революции, освободительные движения и сепаратизмы: с позиций существующего в стране порядка они всегда криминальны, и только добившись успеха, обретают свою легитимность.

¹³ Нетрудно показать, по меньшей мере, спорность этого положения. Во-первых, не уточняются критерии эффективности — а применительно к государству они многообразнее, чем в приложении к корпорации (социальная, военно-экономическая, научно-техническая эффективность — лишь малая часть возможных примеров). Во-вторых, верно, что в прошлом государство многократно оказывалось неважным «бизнесменом»; но это еще не доказывает, что так должно быть всегда. В-третьих, если государство не способно эффективно управлять принадлежащим ему бизнесом, то с какой стати мы позволяем ему — пусть и под контролем общества — распоряжаться налогами, национальными ресурсами и многим иным? Не поискать ли в таком случае более эффективного управляющего? Подобные размышления легко продолжить.

сурсы, численность населения, масштаб экономики при самом благоприятном для этих стран раскладе не обеспечиваются им возможности в обозримые сроки сравняться по абсолютным (но не относительным) критериям дееспособности даже со средними государствами «моторной» группы; (б) в этих условиях предпочтение суверенитету народа либо государства не является фактором, принципиальным для качественного рывка страны в дееспособности.

Самая интересная группа — государства, занимающие промежуточное положение между двумя описанными категориями, но исполненные решимости поднять свои международные дееспособность и статус, в идеале до вхождения в число государств-«моторов» глобализации и субъектов глобального управления. Такая задача не может быть решена посредством опоры на транснациональные и зарубежные корпорации — не в силу какой-либо злонамеренности последних (хотя в отдельных случаях возможно и такое), но просто потому, что названные корпорации решают свои задачи, а не задачи растущих экономик и рынков. Привлекать иностранный капитал и сотрудничать с ТНК, конечно, необходимо; но делать ставку только на них в деле национальных модернизации и развития (а не просто экономического роста, который может иметь место без развития и даже его ценой) нереалистично.

Опора же на национальные корпорации ставит перед государствами этой категории специфические задачи. Как правило, такие корпорации значительно уступают ТНК по всем основным параметрам, а значит, обречены на проблемы (и весьма вероятно, проигрыш) в борьбе за рынки внешние и в своей стране. Задача отчасти решается протекционистской политикой «своего» государства (при членстве страны в ВТО сильно затрудненной). Прямое участие «своего» государства в экономической деятельности во многих случаях укрепля-

ло бы внутренние и международные позиции национальных корпораций. Но именно этот подход блокируется в условиях глобализации как нормами ВТО, так и политико-идеологически (идеями приверженности-де «свободным рынкам» — феномену, давно незнакомому современной экономике, да и вообще вряд ли когда-либо существовавшему на практике).

Кроме того, для государств промежуточной группы большое практическое значение имеет де-факто делаемый выбор между суверенитетом народа или государства. Сам по себе этот выбор не влечет каких-то немедленных и зримых последствий для рывка в развитии и дееспособности страны в мире. Однако на длительных отрезках времени он обладает эффектом накопления и умножения факторов развития. Если модель суверенитета народа, как показывает опыт, раскрепощает эти факторы, то модель суверенитета *государства*, напротив, стискивает их, ограничивая их действие по всем параметрам (масштабам и диапазону, инициативе и инновативности, сферам и формам проявления) на всех уровнях общества и экономики. В такой системе концентрация средств, знаний и навыков воспринимается властью как угроза существующему порядку и объективно является ею. Так возникают и поддерживаются мощные преграды модернизации и развитию, эффективно включению в глобальные экономику, политике, научно-технологические процессы. Подобный выбор объективно есть форма организации глобальных низов, для которых в большей или меньшей степени, но определяющими являются эмоциональность мышления, невысокие потребность и способность к самостоятельности, и наоборот, выраженная потребность в ведущем на национальном и транснациональном уровнях.

Глобализацию на современном ее этапе (это явление развивается, как и институт государства) можно опреде-

литель как *триединство* (1) становления *целостной глобальной экономики*, опирающейся на доминирование рыночной (капиталистической) формации и на ТНК как системообразующий фактор такой экономики; (2) складывающегося (но пока находящегося в самом начале) *международно-политического оформления экономической мироцелостности*, ведущего к встраиванию государств в систему их политически оформленной глобальной иерархии; и (3) *стремления экономически ведущих государств и группировок* (прежде всего США и ЕС) *воспользоваться глобализацией*, ориентируя ее и ее важнейшие процессы в максимально благоприятном для них и для социально-экономической модели развитой части мира направлении¹⁴.

Глобализация втягивает, стремится подчинить своей логике — хотя и по-разному — как государства, так и корпорации. Среди последних глобализация в наибольшей и противоречивой мере затрагивает ТНК: они только научились так или иначе обходить создаваемые государством препоны, как в самой близкой перспективе обозначился новый, более всеобъемлющий уровень регулирования — транснациональный. Для государства же все наднациональное является пока вызовом, худшим, чем даже иноземное завоевание: враг лишает суверенитета на время, глобализация может отменить его навсегда.

Глобализация ставит проблему внутренней и внешней ответственности государства перед своим населением и международным сообществом, при этом последнее часто оказывается приоритетным. Она востребует дееспособное государство и встраивает его в себя как территориальную и социокультурную подсистему. Причем *спрос на де-*

еспособное *государство* идет как со стороны глобализации (здесь без выполнения этого условия затруднены, невозможны поддержание глобальной стабильности, безопасности, принятых правил игры), так и со стороны тех обществ, которые сознают, что слабо- или недееспособное государство обрекает свою страну на проигрыш в глобальной конкуренции, отставание в развитии, возможно, даже на деградацию и упадок.

Задача дееспособности ставит вопрос об эффективности государства; по каким критериям и кто (в стране и за рубежом) будет ее оценивать? При этом зарубежные оценки все чаще оказываются решающими в вопросах, связанных с развитием экономики и страны (особенно весомы в этом плане рейтинги кредитные, коррупции, инвестиционные). Невысокая оценка эффективности и даже сама постановка вопроса об этом размыывают былой патриотизм в странах с мало- или неэффективным государством и служат еще одним стимулом к массовой миграции. Эффективность требует ресурсов; и если ведущие развитые страны располагают широкой их гаммой — от энергосырьевых до человеческого капитала, — то отстающим еще предстоит создавать себе их «арсенал», зачастую в конфликте интересов с ТНК. Миграция меняет исторически сложившиеся этноконфессиональные балансы, что ведет к культурной эрозии в первую очередь *nation-states*, социальным фундаментом которых является тип личности, не распространенный или вовсе отсутствующий в государствах иной политико-психологической культуры¹⁵.

¹⁴ Наличие в литературе порядка трехсот определений глобализации дает минимум моральное основание предложить собственное, которое я использую последние десять лет.

¹⁵ Эта проблема с особой силой проявилась в последние годы во Франции, где пошли на прямую постановку вопроса: способен ли быть гражданином республики — в том смысле, какой вкладывается там в эти слова, — человек, носящий хиджаб (т.е. не имеющий своего достоинства и других, в европейском понимании, признаков развитой личности), а также тот, кто заставляет своих жену, сестру облачаться в это одеяние. Вопрос о допустимости норм шариата в свет-

Но если формальный институт традиционного государства начинает испытывать внутренние и внешние трудности (к тому же усугубляемые кризисом бюрократии как явления), логично ожидать, что часть его функций и задач будет переходить к корпорациям, в том числе не- или полуформальным. Тенденция эта развивается по двум направлениям. Хозяйствующие корпорации берут по необходимости на себя (в том числе в «своей» материнской, а не только в развивающихся странах) функции, дополняющие и подкрепляющие активность государства и местных органов власти. Но и в самом государстве возникают все более частые случаи неформальных корпораций — от коррупционных систем до «приватизированного» государства. Наука должна не отворачиваться от таких явлений, отдавая их на откуп моралистам, проповедникам и правоохранителям, но исследовать их как непреходящую, неизбежную и социально необходимую часть жизни и развития. Экономическая и политическая теории не состоятся как науки до тех пор, пока «свет» и «тьма» не будут объединены в них в целостный объект исследования.

Глобализация есть исторически продолжительный (это уже несомненно) переход от механической суммы государств различных типов к такой системе мировых отношений, в которой государства останутся не высшим уровнем власти и суверенитета, но лишь одним из звеньев глобального управления или саморегулирования. Корпорации — хозяйствующие, общественно-политические, в том числе корпорации, создаваемые самими корпорациями, — вызывают в этих условиях к жизни такие новые организационные формы, как пространства. Это не территории, но организация территории для определенных видов жизни и деятельности, а последней — для поддержания сложившегося и/или желаемого экономиче-

ском правовом обществе в эти же годы обрел остроту в Великобритании.

ского, политического, социокультурного уклада¹⁶. Пространство в этом его понимании есть способность на деле поддерживать определенными (законом, обычаем, договоренностями и любым иным практически действенным способом) отношения и правила игры между разными участниками таких отношений.

Глобализация формирует собственные пространства, при этом ведущие государства, корпорации и глобальные институты выступают дизайнерами таких пространств. Функционируя как корпорация по отношению к этим пространствам, государство само уходит под глобальный уровень легитимации и управления. Но пространственная архитектура современного мира на его глобальном уровне образована отношениями между корпорациями в гораздо большей мере, нежели отношениями между государствами или государствами и корпорациями (что и показал финансово-экономический кризис 2008–2010 гг.).

Продукт ли все изложенное глобализации? Скорее всего нет: пока это ее генезис, содержание и траектория развития. Глобализация как явление только начала формировать собственные системы отношений и делает это главным образом неформально («по понятиям»¹⁷).

¹⁶ Подробнее об этом см.: Косолапов Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 6. С. 3–13; его же. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 3–14; его же. Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий // Международные процессы. 2007. Том 5. № 3 (15). Сентябрь — декабрь. С. 57–65.

¹⁷ Термин «понятия» обычно ассоциируется с криминалом, откуда он и перешел в современный разговорный русский язык. Но, во-первых, свои неформальные нормы, правила, принципы есть в любой другой четко идентифицируемой среде — этноконфессиональной, социокультурной, профессиональной, возрастной и т.п. Во-вторых, «понятия» предполагают не только некоторые нормы

Именно в этом смысле ее правомерно рассматривать как «корпорацию корпораций». Традиционное государство пока — объективно антиглобалистская сила, оно если не сознает, то чувствует, что в глобальных пространствах его ответственность перед страной и миром станет в разы большей и более императивной. США и то уникальное место, какое они занимают в современном мире, мешают распознать и понять, что описанные нами (в самом первом приближении) тенденции объективны, а не следствие лишь чьей-то злой или благой воли. Антиглобализм современного государства (но не сам этот институт!) придется ломать — и если «корпорация корпораций» не справится с этой задачей, глобализация как процесс захлебнется.

Глобализация опирается на корпорации и гражданское общество; однако последнее на глобальном уровне — фикция. Реальность же — в значительной мере неформальные отношения и пространства (цель и задачи которых как раз в том, чтобы непротивозаконным образом обойти госбюрократию и воздвигаемые ею препоны). Но там, где тон задают неформальные отношения, в них, в свою очередь, неизменно доминируют силовики (включая криминальных) и идеологи. Если подобные тенденции сохранятся на протяжении нескольких десятилетий, резко усилится возможность смены парадигмы в международных отношениях: светская (не-идеологическая, не-конфессиональная) парадигма себя временно исчерпала, и в международные отношения может вернуться конфессиональная и/или конфессионально-идеологическая парадигма, как это было до 1648 г. в Европе. Первыми признаками такой тенденции являются, на мой

и пр., но и обязательность их соблюдения, т.е. наличие механизма (пусть неправового), обеспечивающего такую обязательность. И в этом смысле — как «правила + механизм» — термин «понятия» идеально соответствует западному пониманию «института».

взгляд, экспорт демократии и прав человека (идеологизация), борьба против международного терроризма (почему-то всегда исламского), мощное контрнаступление религий и церквей во всем мире, эпидемия полевых командиров и бандформирований.

4

Настало время обратиться к феноменологии. Она упомянута в названии не случайно. Насколько я могу судить, есть два понимания феноменологии. Одно — *естественно-научное*: связь между экспериментом и фундаментальной теорией, но непосредственно из такой теории не вытекающая. Теория — жесткая логика; феноменология же в большей степени привязана к эксперименту, нежели к теории. Границы между теорией и феноменологией размыты и зависят от понимания и интуиции исследователя. Феноменологическое описание явления не позволяет понять его, но позволяет классифицировать, т.е. найти ему место в данной науке и/или в системе наук. Подобным образом, хотя и не в рамках естественных наук, сейчас классифицируется явление глобализации.

Несколько иное понимание рассматривается в философии (по Гуссерлю). Здесь феноменология есть обращение к первичному опыту, трактуемому как опыт познающего сознания. Последнее предстает чистым смыслообразованием, и это тоже обращение к интуиции исследователя, но в большей мере как чистому сознанию, освобожденному (абстрагированному) от переживания связей его с реальностью. Но освобожденному не потому, что реальность игнорируется, а по причине невозможности, недоступности (моральной и/или практической) экспериментов с такой реальностью. Процесс и продукт сознания (виртуальное) оказываются при таком подходе как бы самодостаточными.

Правомерен вопрос: если наука не дала пока общепризнанных дефиниций государства, международных отноше-

ний, глобализации, пространства, то не означает ли это, что названные явления скорее виртуалии, нежели нечто доступное объективным измерениям, оценкам и эксперименту? В самом деле, если государственность данного типа уступает место иной (но при сохранении страны), то не меняются ли в первую очередь разнообразны виртуалии, а уже потом и как следствие — все от них производное?¹⁸ С международными отношениями картина сложнее; но мы же продолжаем выяснять, сохраняются ли еще рудименты прежней холодной войны или началась новая. Показательны и споры о том, продолжается и развивается глобализация, тормозится или уже повернута вспять — при том что с объективными критериями туго у сторонников каждой из названных точек зрения. Во всех приведенных примерах интуиция эксперта, политика — сложнейший, живой сплав идеологической индоктринации, научного и жизненного опыта, нервной организации и темперамента, личных ожиданий и неосознаваемого психического — по сути, и диктует их концепции и предпочтения.

По Гуссерлю, основополагающий методологический принцип и критерий действительности чего-либо — очевидность¹⁹. Но она сплошь и рядом бывает отлична от сущности, даже противоположна ей. Следовательно, очевидность не более чем первый шаг к познанию, замена эксперимента там, где он не толь-

ко невозможен, но часто даже неясно, в чем он мог бы состоять и какие цели преследовать. «Интуитивное созерцание сущностей»²⁰ требует интерпретации и, главное, разумной уверенности, что созерцаются именно сущности, а не что-то иное. Отсутствие внятных критериев того и другого возвращает к интуиции ученого и политика. Здесь мысль, что «познание „возможностей“ должно предшествовать познанию действительности»²¹ сперва вызывает недоумение, как оценивать возможности в отрыве от реалий, но потом побуждает вспомнить о таких направлениях творчества (в том числе политического), как проектирование, альтернативистика, анализ вариантов.

Подставьте в приведенные выше рассуждения слова «международные отношения», «государство», «глобализация», «пространство» — и по каждому пункту обнаружатся проблемы для размышлений (понятие «корпорация» никак не вписывается в этот ряд и твердо занимает место среди реалий).

Смысл обращения к феноменологии, на мой взгляд, в следующем. Опыт показал, что в международной жизни XXI в. растущее значение приобретают задачи проектирования и создания желаемых условий: от миротворчества, nation-building до регулирования глобальных финансово-экономических трендов и ответственной эколого-экономической политики. Учитывая, какие ресурсы и затраты времени могут оказаться необходимы для решения подобных задач (и могут в итоге оказаться растрчены впустую), практической необходимостью становится анализ на возможно более ранней стадии того, почему наше сознание рождает те концепции, которые оно рождает, а не какие-то иные. Если нет ничего практичнее верной теории, то при невозможности эксперимента и высокой продолжительности (а нередко и рисках) верификации опытом

¹⁸ Например, СССР развалился под грузом неких объективных реалий и законов; или же он был прекращен (а он был именно прекращен, и процесс этот занял в 1991 г. более полугода) потому, что еще ранее существенно изменились многие принципиальные представления в сознании разных слоев общества — от самых широких до высшего руководства партии и государства? Мой ответ см.: Косолапов Н.А. Анклав в поле глобализации (К политэкономии постсоветского пространства) // Россия и новые государства Евразии. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 8–30.

¹⁹ См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: ДИК, 1999; его же. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

имеет смысл проводить феноменологический анализ идей и концепций, выносимых в мировые и глобальные экономику, политику, социальные отношения.

5

Сформулируем некоторые выводы. Интернационализация современной жизни, а с рубежа 1970-х и глобализация привели к созданию в мире комплекса таких условий, в которых никакое государство (включая сильнейшие) не может быть свободно от внешних зависимостей, необходимости считаться с правилами игры, устанавливаемыми извне и все более многочисленными и императивными. В глобальном мире перспективы страны определяются не только внутренними ее ресурсами и возможностями (как это было на протяжении всей истории), но способностью государства установить и эффективно использовать внешние связи, открывающие пути к социально-экономическому и иному развитию.

Как следствие *государство*, сохраняя пока размываемую глобализацией функцию духовно-политической (плюс идеологической и/или конфессиональной) интеграции общества, в остальном все более выступает как *специфическая структура, осуществляющая организацию всех сторон жизнедеятельности населения (как постоянного, так и временно пребывающего) на территории, исторически сформировавшейся в этно-конфессионально-пространственную целостность (страну) или признанную таковой другими государствами, де-факто способными обеспечить целостность новосозданного государства.*

Потребность в институте социально-территориальных организации и управления в обозримом будущем не только не исчезнет, но будет существенно возрастать. Останется таким институтом государство, вырастут рядом с ним равнозначимые иные формы или эти последние начнут теснить государство на второй план? Видимо, здесь возможны несколько «сценариев».

Государство, которое не в состоянии и/или не хочет соответствовать внутреннему и внешнему спросу на дееспособность и эффективность, будет, скорее всего, подвергаться давлению неформальных гражданских корпораций (традиционных и/или новых), действующих на основе соединения внешних и внутристрановых интересов, стремящихся реформировать или сменить данное государство. «Заповедниками» останутся лишь страны, не представляющие никакого интереса для внешнего мира и низкомотивированные внутренне.

По критериям дееспособности государства и его заинтересованности в практическом²² развитии можно выделить шесть групп государств в таком порядке (от «низшей» группы к «высшей» в пределах данной категории): главная цель государства — (1) обеспечение экономического роста; (2) удержание роста; (3) долговременное повышение роста; (4) поддержание роста при стремлении избежать развития или свести его к минимуму; (5) сдерживание роста и акцент на развитии; (6) постановка в центр государственной политики задач развития: рост становится следствием и отдачей развития, а не самоцелью.

В текущих условиях международно-политическая глобализация мало что дает большинству государств и их социальных элит, но немало от них требует. Если такое положение сохранится надолго, все больше государств будут де-факто саботировать, а по возможности и блокировать процессы глобализации и ее международно-политического оформления (МПОГ) в пользу международно-регионального сотрудничества и/или традиционных международных отноше-

²² То есть в развитии, понимаемом в светском, мирском, а не в религиозном, идеологическом и/или нравственном смысле. Светское развитие поддается измерению и оценке посредством объективных критериев, тогда как развитие религиозное, нравственное, идеологическое могут, конечно, иметь место, но принципиально неизмеримы.

ний. Подобное развитие событий, в свою очередь, означало бы существенное и, по-видимому, долговременное торможение процессов мирового развития.

Становление международной регионализации вызвало к жизни явления международно-политических и иных режимов, а также экономических и иных особых пространств. В наибольшей степени такие механизмы отработаны в Евросоюзе и с рубежа 2000-х годов начинают втягивать в эту систему государства, активно сотрудничающие с ЕС («политика соседства»). Коль скоро принцип и технологии международных режимов достаточно отработаны и известны, подход может найти более широкое приложение. Его главное качество — возможность в широких пределах менять содержание транснациональных отношений (включая распоряжение пространствами, ресурсами и собственностью), номинально не посягая на территориальные границы и суверенитет государства. В зависимости от интересов и целей конкретной группы государств, а также от тенденций глобального уровня этот подход может в принципе как содействовать процессам глобализации и МПОГ, так и противопоставляться им.

Проблема *nation-building* ясно обозначилась уже в 2000-е годы в связи с тремя группами причин: (i) как следствие попыток и процессов политического урегулирования особо длительных и/или ожесточенных конфликтов, после которых создание нормальных общества и государства приходится начинать фактически даже не с нуля, а с «отрицательных величин»; (ii) как развитие и завершение внешних операций по «экспорту демократии» и иных вариантов переустройства государства извне; (iii) как следствие явной недееспособности аппарата местного государства, последствия чего могут быть нежелательны и/или просто опасны для международного сообщества²³.

²³ Примером первого случая может служить образование новых государств на территории

Задачи *nation-building* — решение которых потребует, видимо, десятилетий — может быть целесообразным передать специализированным глобальным корпорациям, действующим на основе мандата ООН или «коалиции заинтересованных государств».

В обозримом будущем наиболее динамичные и стремящиеся к развитию государства будут, видимо, все более тяготеть к превращению в корпорации по управлению территорией (но не в хозяйствующие корпорации традиционного типа) в рамках международно-региональных пространств. По прошествии 20–30 лет такая тенденция, если она будет иметь место, сможет стимулировать качественный рывок в результативности процессов МПОГ. В противном случае концентрация значительного числа государств (включая США) на сохранении их традиционно понимаемой суверенности — по сути ее антиглобалистской — может стать одним из главных факторов торможения процессов мирового развития на длительный период. Второй сценарий лучше согласуется с назревающим глобальным дефицитом ресурсов и с давлением экологических императивов.

Как следствие всего перечисленного, в обозримой перспективе следует, видимо, ожидать: (а) диверсификации всех видов и типов корпораций — от хозяйственных до глобально-управленческих; (б) сочетания в международной и внутри-страновых сферах наличия и активности корпораций неформальных и формальных, законных, незаконных и противозаконных²⁴; (с) взаимного обмена и обо-

бывшей СФРЮ; второго — ситуации в Афганистане и Ираке; третьего — Сомали в связи с проблемой морского пиратства в регионе. Разумеется, это только примеры.

²⁴ Законная корпорация создается и работает в соответствии с действующим законодательством; противозаконная противоречит ему; незаконная создается и функционирует при отсутствии или острейшем дефиците соответствующего законодательства.

гашения форм и методов деятельности между корпорациями и государством; (d) более сложных отношений между государством и корпорациями в глобальной экономике и политике.

Развитие глобального гражданского общества — гипотетически возможный и идеологически поощряемый процесс материализации описанных тенденций. Но по крайней мере теоретически допустимы и другие. В частности, в подобных условиях *резко возрастает потенциал тоталитаризма*, причиной чему служат ряд факторов: (i) бюрократия тоталитарна по природе, ей присущи жесткая иерархичность, чиновничество, стремление к максимально возможной закрытости, тенденции распространяться вширь и вглубь, монополизировать власть, влияние и ресурсы; (ii) информационные технологии открывают беспрецедентные возможности поставить каждого человека (а не отдельные лица и группы) под непрерывный и всеохватный кон-

троль. Ныне он — вопрос политического решения и финансов; технические решения давно созданы и совершенствуются; (iii) бюрократия международных организаций находится де-факто вне какого-либо контроля, в том числе со стороны стран — членов соответствующих организаций. При этом она пользуется растущими и разнообразными возможностями влиять на политику даже государств — не членов данной организации; (iv) всякая корпорация тоталитарна по ее природе.

Тоталитаризм, в свою очередь, открывает дорогу симбиозу силовиков и идеологов, способному поставить под свой контроль институты светской власти — государство и корпорацию. Такой симбиоз означал бы десекуляризацию международной системы, ее возвращение в довестфальское состояние (системы глобальной — в неопредвестфальское; сценарий, представляющийся мне достаточно вероятным).